

УДК 81

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-32-40

Александр Георгиевич Зверев,

аспирант,

Тюменский государственный университет

(625003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 6),

e-mail: antikrizis00@list.ru

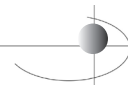
Модальность текстов законов в языках средневропейского стандарта

Целью статьи является внесение уточнений в вопросы модальности законов в языках средневропейского стандарта. Современные научные публикации в России, посвящённые языку права, отмечены явным «позитивистским» и «неопозитивистским» уклоном. Выдвигаются положения о мономодальности текста закона. В действительности выводы в таких исследованиях не содержат достоверных данных о модальных средствах выражения в законе «необходимости и долженствования». Исследования юридических текстов, выполненные лингвистами, воспринимаются как «экспертные» и вызывают определённое доверие у юридического сообщества, особенно подверженного влиянию юридического позитивизма. В данном исследовании на выборке из законов доказывается несоответствие ранее предлагаемых выводов о модальности таких документов. Используются методы исследования: описательный и сопоставительный методы; структурно-функционального анализа; контекстуального анализа. В нашем сопоставительном исследовании корпусов юридических текстов применяются методы, которые необходимы для сбора и классификации эмпирических фактов. Установленные эмпирические факты относятся к использованию юридического языка в английском, русском, польском, немецком, французском и испанском языках. В процессе сопоставления модальных средств устанавливали общее и различное как в наборе языковых средств, так и в количестве единиц, составляющих ту или иную подсистему. Исследуемые нами юридические тексты в сопоставительном аспекте являются примером взаимовлияния на уровне кросс-лингвистических контактов.

Ключевые слова: модальность, модальные глаголы, кодекс, закон, распоряжение, возможность, необходимость

Введение. Язык права является объектом исследования юристов, лингвистов, логиков, философов, социологов, антропологов в силу своих уникальных свойств: логической строгости, абстрактного характера отношений (фактов, явлений, вещей и т. д.). Законы являются «посредниками» между миром воображаемым (собственность, справедливость, благо и т. д.) и миром реальным (люди, вещи, государственных институтов и т. д.). Законы подчиняются правовым принципам, правовой культуре и правовой традиции в явном и неявном виде. Правовая норма конкретного закона (кодекса) создаётся и действует внутри правовой культуры и правовой традиции. Все правовые нормы с точки зрения реальности/ирреальности являются *гипотетическими*, т. к. являются моделью нашего мира. Как всякая модель она имеет элементы упрощения и усложнения мира действительного (окружающего, физического). В данном исследовании под модальностью понимаем «в узком смысле как выражение возможности, необходимости и воли» [2]. Для юридического позитивизма является характерным отождествление права и закона, что приводит к устранению всяких критериев, позволяющих отличить правовую законность

от правового произвола государства. «В современной российской юридической литературе продолжает доминировать этатистское (позитивистское, легистское – в данном контексте различия этих терминов несущественны) правопонимание, согласно которому право функционально и генетически производно от государства...» [17]. По мнению Нобелевского лауреата по экономике Фридриха Хайека, «...то, что нам известно о доисторических и примитивных обществах, говорит о совершенно ином происхождении и детерминантах права, нежели нам представляют теории, возводящие всё к воле законодателя. И хотя учение позитивизма находится в вопиющем противоречии со всем, что нам известно об истории права...» [13, с. 92]. В первой половине XX века возникла теория *легистского неопозитивизма*. Её основоположниками являются Г. Кельзен, австриец по происхождению, долгое время проживший в США, а также англичанин Г. Л. А. Харт «...*Неопозитивизм*, воспринимая законы как данность, предлагает следующее формалистическое объяснение права: это принудительные нормы, основанные на других принудительных нормах, составляющие в совокупности иерархическую систему предписаний...» [16,

с. 32]. Практическое значение исследования – отказ от интерпретации результатов лингвистических исследований законодательных текстов под влиянием *юридического позитивизма*.

Методология и методы исследования.

В исследовании использованы методы: описательный и сопоставительный; метод структурно-функционального анализа; контекстуального анализа. В процессе сопоставления модальных средств устанавливали общее и различное как в наборе языковых средств, так и в количестве единиц, составляющих ту или иную подсистему.

Результаты исследования и их обсуждение.

В статье 2015 года исследуется модальность необходимости в официально-деловых текстах в русском и польском языках [3]. Примеры выбирались авторами из публикаций в *Российской газете* и *Dziennik Ustaw* [Собрание законодательства Республики Польша]. Из анализа обнаруженных примеров на с. 73 [Там же] можно установить, что речь идёт о внесении изменений в законы, распоряжения министров, постановления Пленума Верховного Суда РФ: например, п. 5, 9, 10, 31 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1¹; п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.03.2011 г. № 2²; п. 2 ст. 21 Федерального закона от 28.12.2013 г. № 412-ФЗ «Об аккредитации в национальной системе аккредитации»³ и т. д. На польском языке примеры изменения в Гражданском процессуальном кодексе Республики Польша (art. 503 § 1 и art. 89 § 1 Kodeks postępowania cywilnego)⁴; распоряжение министра транспорта, строительства и морского хозяйства (Rozporządzenie ministra transportu, budownictwa i gospodarki morskiej, z dnia 17 stycznia 2012 г. Dz. U. 12.79)⁵; распоряжение министра культуры и национального наследия (§ 8. Rozporządzenie ministra kultury i

¹ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1.

² О применении судами законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.03.2011 г. № 2.

³ Об аккредитации в национальной системе аккредитации: федер. закон от 28.12.2013 г. № 412-ФЗ.

⁴ Ustawa z dnia 16.09.2011 г. o zmianie ustawy – Kodeks postępowania cywilnego oraz niektórych innych ustaw (Dz. U. z 2011 г. nr 233, poz. 1381).

⁵ Rozporządzenie ministra transportu, budownictwa i gospodarki morskiej (z dnia 17 stycznia 2012 г. Dz.U.12.79).

dziedzictwa narodowego, z dnia 5 stycznia 2012 г. w sprawie Medalu “Zasłużony Kulturze Gloria Artis”)⁶ и т. д.

Полагаем, что избранный авторами фрагментарный отбор языкового материала из нормативных актов разной юридической силы не позволяет установить модальное значение выбранных лексем (*должен* и *powinien*; *следует* и *należy*; *необходимость*; *konieczność*; *обязан*; (*z*)*обowiązany* и т. д.) как в русском, так и в польском языке. Модальность официально-делового текста, его смысловая основа не устанавливаются в одном или нескольких употреблениях в отдельных структурно не связанных фрагментах, без исследования контекста употребления подобных лексем, без учёта правовых систем, с разными правовыми традициями и правосознанием.

Возьмём в качестве собственного примера Закон Республики Польша 2013 года «Об иностранцах» (“O cudzoziemcach” USTAWA z dnia 12 grudnia 2013 г.)⁷. Употребление лексемы *należy** – 9 случаев, лексемы *powin** – 12 на весь текст закона объёмом 107 тыс. слов, 256 страниц; лексемы *musi** (долженствования) – 3 случая; лексемы *może** – 120, *mogą** – 39, *można** – 45. Соотношение модальных средств выражения *необходимости* к *возможности* составляет *один* (24) к *девяти* (204). При интерпретации данных исходим из того, что «отрицание возможности – это невозможность, отрицание разрешения – это запрет...» [10]. Пример указывает на проблемы определения *модальности необходимости* – как *смысловой доминанты официально-деловых текстов*. Автором статьи были указаны внесимые изменения в Гражданский процессуальный кодекс Республики Польша (art. 503 § 1, art. 89 § 1 *Kodeks postępowania cywilnego*)⁸. Приведём собственный расчёт употребления лексем с модальным значением для всего текста Кодекса: *należy** – 149; *powin** – 166. При этом другие модальные средства составляют: *może* – 783; *mogą* – 108; *można* – 78. Соотношение модальных средств выражения *необходимости* к *возможности* составляет *один* (315) к *трём* (969).

Обратимся к Гражданскому процессуальному кодексу РФ (далее ГПК РФ)⁹, который

⁶ Rozporządzenie ministra kultury i dziedzictwa narodowego (z dnia 5 stycznia 2012 г. w sprawie Medalu „Zasłużony Kulturze Gloria Artis”).

⁷ Ustawa z dnia 12 grudnia 2013 г. “O cudzoziemcach” (Opracowano na podstawie Dz. U. z 2013 г. poz. 1650).

⁸ Ustawa z dnia 17 listopada 1964 г. “Kodeks postępowania cywilnego”.

⁹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ.

соответствует ГПК Польши. Лексемы долженствования часты в употреблении: *следует* – 5 случаев; *должен** – 157; лексемы возможности *могут*/может** – 330. Соотношение модальных средств выражения *необходимости* к *возможности* составляет *один* (157) к *двум* (330).

Е. В. Падучева утверждает, что главные показатели онтологической возможности «... *может/сможет, можно* <...> синонимы для онтологических *может, можно – способен, в состоянии, имеет возможность*» [10]. Исходя из этого, мы полагаем возможным расширить синонимический ряд *возможности* лексемой *вправе* в значении сказуемого о наличии у кого-либо права на что-либо (примеры из ГПК РФ: *судья вправе...*, *суд вправе...*, *ответчик вправе...*, *истец вправе...*). Рассмотрим ст. 298 ГПК РФ «Действия суда после поступления заявления держателя документа». В документе присутствуют следующие лексические средства выражения *необходимости*: *суд оставляет... и устанавливает срок; запрещается производить...; срок не должен превышать...; судья разъясняет...*; лексические средства выражения *возможности*: *право предъявить...; право взыскать...; может быть подана частная жалоба...* Толкование данной правовой нормы свидетельствует о преобладании в ней средств выражения *необходимости*, однако фразы о том, что *суд оставляет... и устанавливает срок; судья разъясняет...*, – это перечисление обязанностей судьи, который вместе с *прекриптором (законодателем)* представляет само государство. Так же как и права, предоставленные прокурору и суду (судье), – это права самого государства: *суд может...* – 11; *судья может...* – 8; *суд вправе...* – 34 (случаи употребления в ГПК РФ).

Итак, вывод о том, что «...модальное значение *необходимости*, составляющее смысловую основу официально-деловых документов, реализуется как в русском, так и в польском языках с помощью широкого набора лексических экспликаторов, наиболее регулярными из которых являются прилагательное *должен*, безличный глагол *следует* в русском языке и прилагательное *powinien*, безличный глагол *należy* в польском» [3, с. 78], не соответствует действительности для ГПК Республики Польша и ГПК РФ.

Рассмотрим другой пример «*Wytwórca powinien zatrudniać odpowiednią liczbę pracowników z niezbędnymi kwalifikacjami i doświadczeniem praktycznym*» (DU, 17.11.13) [Там же,

с. 77]. Проведём подсчёт языковых средств выражения *необходимости* в тексте приказа министра здравоохранения Республики Польша¹ (объёмом 96 тыс. слов, 168 с.). Употребление лексемы *należy** – 359; лексемы *powin** – 1609; лексемы *musi** – 68; лексемы *może*/mogą*/można** – 375. Соотношение лексем выражения *необходимости/долженствования* к лексемам *возможности* составляет 5 : 1. Отметим, что в списке частотности слов текста *Приказа* лексема *powin** занимает третье место, пропустив на первое место предлог *w* – 2539 и на второе союз *i* – 2443. Результаты исследования текста *Приказа для данного документа* подтверждают гипотезу авторов о том, что прилагательное *powinien*, безличный глагол *należy* в документах официально-делового стиля на польском языке составляют смысловую основу.

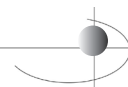
Таким образом, изучение категории модальности нормативно-правового акта (кодекса, закона, приказа) возможно только на уровне всего текста. В свою очередь исследование на текстовом уровне позволяет глубже проникнуть в модальную сущность отдельного предложения. Выводы о средствах модальности, подходящие для одного типа текста нормативно-правового акта, не подходят для других типов текстов.

Категория модальности в немецкоязычных законах.

В статье С. Ваулиной, Е. Магдалинской сделана отсылка на диссертационное исследование Р. Н. Комаровой 2000 года в обоснование довода о том, что смысловой основой текстов официально-делового стиля является модальность *необходимости* [3, с. 72]. Исследование языка немецкого права в работе Р. Н. Комаровой проводилось на примере Гражданского кодекса Германии² (у автора – Германское гражданское уложение, ГГУ). Исследователь утверждает, что текст ГК Германии «в отличие от текстов других законов тяготеет к выражению модальности *долженствования*» [8]. По мнению Р. Н. Комаровой, «категория **деонтической модальности**, заключающаяся в выражении возможности или *необходимости/долженствования*, представлена в тексте ГГУ узким набором модальных глаголов: *können, sollen, müssen*,

¹ Rozporządzenie Ministra Zdrowia z dnia 10 października 2013 r. zmieniające rozporządzenie w sprawie kategorii substancji niebezpiecznych i mieszanin niebezpiecznych, których opakowania wyposaża się w zamknięcia utrudniające otwarcie przez dzieci i wyczuwalne dotykiem ostrzeżenie o niebezpieczeństwie.

² Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) // Ausfertigungsdatum: 18.08.1896.

dürfen (соответственно 16,3; 1,3; 1,3; 0,8 % от общего числа примеров)» [8]. Из данных автора следует, что количество модальных глаголов возможности (*können* – 16,3 %) в пять раз превышает общее количество модальных глаголов необходимости/долженствования (*sollen, müssen, dürfen* = 3,4 %). Поскольку у Р. Н. Комаровой речь идёт о примерах, представим общее количество модальных глаголов в тексте ГК Германии. Соотношение лексемы модального глагола *können** по отношению к лексемам всех остальных модальных глаголов составит 3 : 1 (табл. 1).

Таблица 1

Модальные глаголы в ГК Германии (Bürgerliches Gesetzbuch)

<i>Können</i>	<i>Müssen</i>	<i>Dürfen</i>	<i>Sollen</i>	<i>Wollen</i>
Können – 187; kann – 1609; konnte/ könnte – 17	Müssen – 26; muss – 129; musste – 15	Dürfen – 25; darf – 133; durfte – 2	Sollen – 29; soll – 202; sollte – 6	Wollen – 12; will – 28
Итого: 1818	170	180	249	40
Соотношение к общему числу слов: 0,84 %	0,07 %	0,08 %	0,12 %	0,02 %

Исследователь правильно указывает на то, что «употребление модального глагола *können* даёт гражданину свободу выбора, т. е. адресат может совершать, а может и не совершать обозначенное действие, тем более что оно не входит в планы адресата. Модальный глагол *dürfen* по сравнению с глаголом *können* даёт меньшую свободу выбора вследствие того, что законодатель разрешает совершить конкретное действие, которое изначально входит в планы адресата» [8, с. 13]. Е. В. Боднарк в свою очередь полагает, что «*sollen* и *müssen* выражают необходимость, *wollen* и *mögen* – желательность/волеитивность, *können* и *dürfen* – возможность» [1, с. 53]. В интерпретации модальных средств по Е. В. Боднарк соотношение *необходимости* к *желательности* в тексте ГК Германии составит 1 : 5.

Далее, в исследовании Р. Н. Комаровой резюмируется, что «...запрет в тексте ГГУ выражается с помощью модальных глаголов *können* и *dürfen* с отрицательной частицей *nicht* и с помощью сочетаний *nicht übertragbar sein, unberührt bleiben, ausgeschlossen sein*» [8, с. 14]. В действительности в тексте

Гражданского кодекса Германии присутствуют в ограниченном количестве указанные автором конструкции, когда «Законодатель “отбирает” возможность выбора у гражданина совершать или не совершать действия» [Там же].

В диссертационном исследовании 2004 года снова содержится утверждение о том, что «основная модальная характеристика законодательного текста – это модальность необходимости, или долженствования <...> модальность необходимости, определяемая коммуникативной функцией текста, устанавливается семантически в заглавии и преамбуле и остаётся неизменной на протяжении всего текста» [4, с. 4, 9]. Полагаем, что выводы о модальности, необходимости в законодательных текстах Европейского Союза имеют ограничения, которые следуют из самого названия диссертации. Законами в обычном смысле исследуемые О. В. Гребневой тексты *не являются*, несмотря на название. Автор делает правильные выводы о языковых средствах формирования модальности в тексте законов: «Ядро ФСП модальности необходимости в исследованных законодательных текстах ЕС на немецком и английском языках составляют, главным образом, лексико-грамматические средства – модальные глаголы *müssen, sollen/sollten* и модальная конструкция *sein + zu + inf* и модальные глаголы *shall, will, must, should, need*» [Там же, с. 18]. Однако вывод автора о том, что выявленные языковые средства выражают преобладающее значение модальности, необходимости, в немецком и английском языках ничем не подтверждается.

С. Н. Цейтлин в работе 1990 года сформулировала положение о том, что «модальная семантика необходимости может быть выражена различными средствами. Это: а) конструкции с модальными лексемами; б) конструкции с независимым инфинитивом (инфинитивные предложения); в) конструкции с формами повелительного наклонения в неимперативном употреблении; г) предложения, содержащие формы настоящего времени, употреблённые в значении “предписания”» [14, с. 149–150]. Как полагает исследователь, «модальные лексемы *нужно, должен* и т. п. могут быть названы модальными операторами или модальными модификаторами, а также модальными связками. Подобные преобразования могут быть осуществлены и без помощи модальных связок...» [Там же].

Соотношение модальных средств в ГПК РФ и ГК РФ.

Отметим соотношение модальных средств в таких законах, как ГПК РФ и Граж-

данском кодексе РФ (ГК РФ)¹. В ГПК РФ (объём текста – 59 тыс. слов) употребление лексемы *долж** – 167 случаев; лексемы *обязан** – 39. В ГК РФ (объём текста – 223 тыс. слов) употребление лексемы *долж** – 512 раз; лексемы *обязан** – 431. С учётом почти четырёхкратной разницы в объёме текста ГК РФ над ГПК РФ соотношения лексем *долженствования* примерно равны, однако соотношение употребления лексемы *обязан** превышает почти в три раза в тексте ГК РФ над ГПК РФ. Примерно равное соотношение в текстах лексем выражающих необходимость: *необх** в ГК РФ – 240; *необх** в ГПК РФ – 75.

Глагол *мочь* «может принимать “правовое” значение, глубинная интерпретация которого требует введения представления о социуме или других инстанциях, регламентирующих социальное поведение личности...» [11, с. 144]. В ГК РФ употребление лексемы возможности *могут*/может** – 1155. В ГПК РФ лексема возможности *могут*/может** – 329 случаев. С учётом почти четырёхкратной разницы в объёме текста ГК РФ над ГПК РФ соотношения лексемы возможности *могут*/может** примерно равны.

Отметим использование лексемы, имеющей модальное значение, *вправе* в ГК РФ – 800 (из них *не вправе* – 109), для ГПК РФ лексема *вправе* – 112 (из них *не вправе* – 18). Тем самым, использование лексемы *вправе* в ГК РФ «сглаживает» диспропорцию в исполь-

зовании модальных средств. Таким образом, даже на уровне кодексов одного государства отмечается более активное употребление лексемы *обязан**.

Представленные результаты позволяют сделать следующий вывод. Категория модальности, как показано на вышеприведённом примере, не зависит от того, какие нормы права взяты за объект исследования: материальные или процессуальные.

Соотношение модальных средств в польском языке.

Для польского языка мы дополнительно составили списки частотности всех используемых лексем в текстах, список модальных средств необходимости/долженствования и возможности внесли в табл. 2. Гражданскому процессуальному кодексу и Гражданскому кодексу Республики Польша² противопоставили Уголовный кодекс Республики Польша³ и два современных романа на польском языке^{4, 5}.

Результаты подсчёта лексем модальных средств *необходимости/долженствования* и *возможности* подтверждают нашу гипотезу о преобладании модальных средств выражения возможности в языке нормативно-правовых актов. Польский словарь⁶ определяет *powinien* как *должен (обязан)*, а *powinny* как *обязанный* относит к прилагательному; *należy* трактует как *следует, надлежит, нужно*⁷. Полученные данные (табл. 2) подтверждают полимодальный характер закона.

Таблица 2

Языковые средства формирования модальности в тексте закона польских законов, по сравнению с польским романом

<i>Kodeks cywilny</i> (слов: 80 284)	<i>Kodeks postępowania cywilnego</i> (слов: 150 636)	<i>Kodeks karny</i> (слов: 42 296)	<i>Uroda życia. Stefan Żeromski</i> (слов: 120 726)	<i>Czas honoru Jarosław Sokół</i> (слов: 151 014)
Należy – 47; powinien* – 186; może – 662 ; mogą – 71; nie można – 40; można – 51	Należy – 154; powinien – 81; może – 892 ; mogą – 133; nie można – 33; nie może – 109; nie mogą – 25	Należy – 4; powinien – 2; może – 183 ; mogą – 2	Należy – 12; powinien – 10; może – 129 ; mogą – 7	Należy – 10; powinien – 43; może – 191 ; mogą – 10
Соотношение к общему числу слов <i>może</i> : 0,8 %	0,6 %	0,4 %	0,1 %	0,1 %

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ; часть вторая от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ; часть третья от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ и часть четвёртая от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ).

² Kodeks cywilny (Dz. U. z dnia 18 maja 1964 г.).

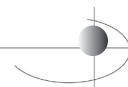
³ Kodeks karny (Ustawa z dnia 6 czerwca 1997 г.).

⁴ Żeromski Stefan. Uroda życia.

⁵ Sokół Jarosław. Czas honoru.

⁶ Польско-русский словарь / ред. М. Ф. Розвадовская, Б. Г. Мархлевская. – М.: ОГИЗ, 1941. – 287 с.

⁷ Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь // Wielki słownik polsko-rosyjski. A–Z / D. Hessen, R. Stypuła. – Warszawa: Вєдза повшехна, 1980. – 1371 с.

И. М. Кобозева и Н. И. Лауфер расширили список предикатов в русском языке, «...служащих для выражения значения долженствования. Ядро этой группы составляют шесть предикатов: должен, обязан, следует, надо, нужно, необходимо <...> в эту группу можно включить такие предикаты, как *требоваться, подobaет, (не) пристало, (не) годится, надлежать, полагаться, принято* и др.» [7, с. 169]. В результате сравнения текстов нормативно-правовых актов (законов, кодексов, приказов, распоряжений) на русском и польском языках мы резюмируем, что исследование категорий модальности (*необходимости, долженствования, желательности, возможности*) в тексте следует вести через интерпретацию всей правовой системы, правовой традиции, обычаев и правосознания.

Рассмотрим утверждение о мономодальности текста закона. В диссертационном исследовании Л. П. Широковой утверждается, что «отсутствие в тексте закона желательной модальности, а также побудительной модальности позволяет определить данный тип текста как **мономодальный**, обладающий только модальностью реальной действительности» [18, с. 12].

Первый довод против мономодальности – это широкая палитра модальных глаголов и средств, используемых в тексте закона. В тексте ГК Германии обнаруживаются пять модальных глаголов *können* (1818), *sollen* (170), *müssen* (180), *dürfen* (249), *wollen* (40), что не позволяет утверждать о мономодальности текста закона или сводить к модальным оттенкам «правомочности/неправомочности» [Там же]. В грамматике германских языков «модальные глаголы рассматриваются как закрытый разряд глаголов – морфологический класс претерито-презентных глаголов, ядро которого составляют глаголы с семантикой необходимости и возможности» [5, с. 6].

Второй довод. Утверждение о модальности реальной действительности текстов немецких законов противоречит условной конструкции правовой нормы, даже «наиболее древние законодательные акты содержали предписание что-то сделать или от чего-то воздержаться. Нарушение такого указания должно караться санкцией. Поэтому такие акты обычно строились в виде имплицитивной конструкции “если *p*, то да будет *q*”; *q* может быть и законодательной реакцией на какую-либо стандартную ситуацию, и санкцией» [9, с. 263]. Довод о том, что в текстах законов реализуется исключительно модальность реальной действительности, опровергается тем, что хотя «индикатив противопо-

ставлен конъюнктиву и императиву, которые не характеризуют ситуацию как реальную <...> индикатив означает, что ситуация является реальной, т. е. имеет место. Однако то же предложение может быть вставлено в такие контексты, где индикатив не выражает реальности ситуации. Это контексты снятой утвердительности <...> в контексте снятой утвердительности семантика индикатива нейтрализуется» [10]. Таким образом, *условная конструкция правовой нормы* нейтрализует предложения, содержащие формы настоящего времени, употреблённые в значении «предписания». Для текста закона на немецком языке основным средством выражения условной конструкции является конструкция под наименованием «*конструктивная рамка правовой нормы*», в которой условие выражается путём нарушения традиционной рамки конструкции немецкого предложения. Используется порядок слов в предложении (или «порядок следования»), при котором главное и подчинённое предложение начинаются с глагола в настоящем времени.

О полимодальности текста закона на английском языке.

Для подтверждения выдвинутой нами гипотезы о полимодальности текста закона возьмём относительно новый закон – Гражданский процессуальный кодекс Англии и Уэльса¹ (*The Civil Procedure Rules* 1998, 226 тыс. слов, 446 с.). Доминирующую группу модальных средств образуют лексико-грамматические средства – модальные глаголы: **shall** (1735), **may** (1728), **might** (16), **should** (57), **must** (782), **can** (29), **could** (25), **will** (222); модальные глаголы с отрицанием: **shall not** (164), **may not** (62), **should not** (13), **cannot** (19); императивная конструкция **do/does + not + infinitive** (174); модальная конструкция **to be +to+Infinitive** (32). Лексемы, передающие волю законодателя (прескриптора): **duty/duties** (63), **require*** (363), **prohibit*** (14), **permit*** (51), **oblig*** (5). Сложность толкования модальных глаголов английского языка выражена в том, что хотя «модальность *shall* и *will* в ряде контекстов неопровержима <...> вся история существования этих глаголов может рассматриваться как процесс выветривания первоначальных значений “долга” и “желания”: от полнозначных к модальным (которые передают уже оттенки значения) и далее к вспомогательным» [6, с. 8].

Данные соотношения языковых модальных средств, выражающих *необходимость* и *возможность* в ГПК Англии и Уэльса, **примерно равны**.

¹ The Civil Procedure Rules. – 1998. – No. 3132 (L. 17).

Тексты законов на испанском языке.

Средства модальности Гражданского кодекса Испании (*Código Civil*)¹: модальные глаголы *deber* (266); *poder* (965); *necesitar* (31); *permitir** (20); *prohibir** (39). Соотношение лексем *долженствования deb** к лексемам *возможности peu**; *pod**, *pod** составляет 1 : 3. Испанский язык, кроме прочего, опровергает утверждения о том, что правовые нормы выражают исключительно модальность реальности и ограничены индикативным наклоном. В тексте ГК Испании обнаружены упоминания *Futuro imperfecto de Subjuntivo*; *Preterito Imperfecto Subjuntivo Activo*; *Presente Subjuntivo Activo*.

Futuro imperfecto de subjuntivo выражает незаконченное действие, относящееся к настоящему или будущему моменту и используется в книжной речи. Это время может употребляться в договорах, законодательных актах и прочих официальных документах.

Presente Subjuntivo Activo: (ser) sea – 167; sean – 98; (haber) haya – 267; hayan – 82; (estar) esté – 26; estén – 32; (tener) tenga – 68; tengan – 47.

Preterito Imperfecto Subjuntivo Activo: fueran – 12; fuera – 31; fuese – 11; fuesen – 9; tuviera – 13; tuviese – 15; tuvieran – 6; tuviesen – 3; estuviera – 7; estuvieran – 5; estuviese – 14; estuviesen – 8; hubiera – 84; hubiese – 203; hubieran – 23; hubiesen – 56.

Futuro Imperfecto Subjuntivo Activo: fuere – 93; fueren – 32; tuviere – 39; tubieren – 16; estuviere – 18; estuvieren – 8; hubiere – 119; hubieren – 20; hiciera – 21; hicieren – 2.

Гражданский процессуальный кодекс (*Enjuiciamiento Civil*)² – далее ГПК Испании – насчитывает примерно 210 тыс. слов. Соотношение лексем *долженствования deb** к лексемам *возможности peu**; *pod**, *pod** составляет 1 : 4.

Тексты законов на французском языке.

Рассмотрим в качестве примера Гражданский процессуальный кодекс Франции (*Code de Procédure Civile* ≈ 145 000 слов)³. В тексте кодекса использованы модальные глаголы: *doit** – 217; *doivent* – 63; *peut** – 698; *peuvent** – 144. В ГПК Франции употребляются безличные обороты с модальным значением *il doit* – 20; *elle doit* – 17; *il peut* – 94; *elle peut* – 27. Демонстрируют такое же соотношение необходимости к возможности 1 : 3. Объяснение использования безличных оборотов в

¹ Código Civil (Real Decreto de 24 de julio de 1889 por el que se publica el Código Civil).

² Enjuiciamiento Civil (Ley 1/2000, de 7 de enero, de Enjuiciamiento Civil).

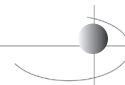
³ Code de procédure civile.

законе встречается в монографии В. А. Фёдорова: «оборот *il peut* (кому можно что) происходит от модального глагола *pouvoir* – мочь, выражает модус возможности/невозможности осуществления какого-либо действия <...> оборот *il suffit* передаёт сему достаточно <...> оборот *il doit* (кому должно что) передаёт обязательность» [12, с. 70, 191].

В ГПК Франции соотношение лексем *долженствования doit** к лексемам *возможности peu** составляет 1 : 3.

В заключение приведём рассуждения К. В. Чвани о природе словоформы **должен***: «...если обязывающее значение у *должен** не является базисным, а мнение об обязательности события находится в конце цепочки возможных умозаключений, то почему обязывающее толкование оказывается преобладающим? <...> Может быть, людям свойственно приписывать лингвистически нечёткому предложению наиболее специфическое из возможных толкований, если только такая интерпретация не исключается контекстом...» [15, с. 76–77]. Таким образом, тем контекстом, который исключает приписывание модальности необходимости/долженствования всем официально-деловым текстам, являются знания из смежных областей, таких как юрлингвистика, философия языка и права, юриспруденция. Обладая знаниями о месте правовой нормы в системе права и эмпирическими данными о модальных конструкциях, можно сформулировать непротиворечивую теорию официально-делового текста.

Заключение. Тексты официально-делового стиля и его законодательного подстиля на языке (русском, польском, английском, французском, немецком, испанском) содержат ограниченный набор языковых средств выражения модальности, по сравнению с такими средствами в соответствующем литературном или разговорном языке. В работе мы опирались на интерпретацию результатов исследования модальных средств организации законодательного текста, таких как модальные глаголы, выражения, имеющие модальное значение необходимости, возможности, разрешения, дозволения, запрещения и т. д. В статье уделено большее внимание паре русско-польских законов, однако данные по остальным языкам также основаны на сравнительном исследовании нескольких десятков законов (кодексов) соответствующих языков. Многочисленные исследования языка права, которые мы в рамках одной статьи не можем рассмотреть, повторяют схожие *ошибочные* выводы в отношении модальности нормативно-правовых текстов как модально-

сти долженствования и необходимости. Подобные утверждения прямо противоречат эм-

пирическим данным о языковых средствах модальности.

Список литературы

1. Боднарук Е. В. Роль модальных глаголов в выражении будущего времени в немецком языке // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2013. № 5. С. 53–59.
2. Бьерн Хансен. Специфика модальных вспомогательных слов в русском языке на общеевропейском фоне // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению: сб. науч. тр. / отв. ред. С. С. Ваулина. Калининград, 2008. С. 104–114.
3. Ваулина С., Магдалинская Е. Модальность необходимости как смысловая основа текстов официально-делового стиля в русском и польском языках // Acta Neophilologica. Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego. Olsztyn, 2015. Is. 2, no. XVII. Pp. 71–80.
4. Гребнева О. В. Модальность необходимости в законодательных текстах Европейского Союза (на материале немецкого и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Казань, 2004. 23 с.
5. Егорова О. М. Модальные глаголы немецкого языка как грамматические прецедентные единицы: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Н. Новгород, 2016. 22 с.
6. Ипатова Л. В. Семантико-грамматическая связь аналитических средств выражения понятий модальности и будущности в английском, французском и русском языках. Сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2003. 25 с.
7. Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Семантика модальных предикатов долженствования // Логический анализ языка: культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 169–175.
8. Комарова Р. Н. Язык закона: лингвистические характеристики (на материале текста Германского гражданского уложения): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб., 2000. 18 с.
9. Красухин К. Г. Грамматическое выражение долженствования в древнейших индоевропейских законодательных текстах // Логический анализ языка: языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 263–271.
10. Падучева Е. В. Модальность [Электронный ресурс] // Проект корпусного описания русской грамматики. 2016. Режим доступа: <http://www.rusgram.ru> (дата обращения: 12.01.2018).
11. Труб В. Ж. О будущих событиях, зафиксированных в значениях слов // Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее. М.: Индрик, 2011. С. 142–157.
12. Фёдоров В. А. Французские обороты с местоимением // в зеркале русского языка. Воронеж: ВГУ, 2010. 216 с.
13. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева. М.: ИРИСЭН, 2006. 648 с.
14. Цейтлин С. Н. Необходимость. Общая характеристика семантики необходимости // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: АН СССР, 1990.
15. Чвани К. В. Грамматика слова должен: словарные статьи как функции теории // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 15. С. 50–80.
16. Четвернин В. А. Введение в курс общей теории права и государства. М.: Ин-т государства и права РАН, 2003. 204 с.
17. Шалютин Б. С. О понятии государства в юриспруденции // Общество и право. 2012. № 5. С. 32–34.
18. Широкова Л. П. Юридические тексты: опыт грамматико-типологического исследования (на примере немецкого и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2007. 19 с.

Статья поступила в редакцию 16.01.2018; принята к публикации 20.02.2018

Библиографическое описание статьи

Зверев А. Г. Модальность текстов законов в языках средневропейского стандарта // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 5. С. 32–40. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-32-40.

Aleksandr G. Zverev,
 Postgraduate Student,
 Tyumen State University
 (6 Volodarskogo st., Tyumen, 625003, Russia),
 e-mail: antikrizis00@list.ru

Modality of Texts of Laws in Languages of the Standard Average, European

The purpose of this article is clarifying the issues of the modality of laws in the languages of the Standard Average European. Some modern scientific publications in Russia devoted to language of law (the European languages) are under the “positivism” and “neopositivism” effect. In studies, opinions about the monomodality of the

text of the law are predominated. In fact, the findings in these studies do not contain reliable data on modal means of expression in law of "necessity and obligation". In these studies, the modal means are shown selectively, to confirm the hypothesis of the study. We believe that this discrepancy between the actual data on the linguistic means of expression of modality in legislative texts, distorts the perception of these texts by society. Linguistic studies on legal texts are accepted as "expert" by the legal community. This study proves the inconsistency of previously proposed conclusions about the modality of legal texts. The following research methods were used: a descriptive method for analyzing practical material; a comparative method for studying modal elements of languages; structural and functional analysis; contextual analysis. The study describes the grammar of the conditional construction of the legal norm, within which modal elements are realized. Modal means of legal texts have common and different both in the set of language means and in the number of units that make up a particular subsystem. Legal texts in comparative aspect are an example of mutual influence at the level of cross-linguistic contacts. The research is carried out in languages (English, Russian, Polish, German, French and Spanish).

Keywords: modality, modal verbs, code, law, order, possibility, necessity

References

1. Bodnaruk, E. V. The role of modal verbs in expressing future meaning in German. Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, no. 5, pp.53–59. (In Rus.)
2. B'ern Khanzen. Specificity of modal auxiliary words in Russian on a common European background. Modal'nost' v yazyke i rechi: novye podkhody k izucheniyu. Kaliningrad, 2008. (In Rus.)
3. Vaulina Svetlana, Magdalinskaya Ekaterina. Modal means of expressing necessity as the sense basis in the official style texts in Russian and Polish. Acta Neophilologica. Issue Year: 2/2015. Issue no. XVII. Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego. Olsztyn, 2015: 71–80. (In Rus.)
4. Grebneva, O. V. Modality of necessity in the legislative texts of the European Union (in German and English languages). Cand. sci. diss. abstr. Kazan', 2004. (In Rus.)
5. Egorova, O. M. Modal verbs of the German language as grammatical precedent units. Cand. sci. diss. Nizhniy Novgorod, 2016. (In Rus.)
6. Ipatova, L. V. Semantic-grammatical relationship of analytical means of expression of the concepts of modality and future in English, French and Russian. Comparative analysis. Cand. sci. diss. abstr. M., 2003. (In Rus.)
7. Kobozeva, I. M., Laufer, N. I. The semantics of the modal of obligation predicates. Logicheskiy analiz yazyka: Kul'turnye kontsepty. M: Nauka, 1991: 169–175. (In Rus.)
8. Komarova, R. N. Language of the law: linguistic characteristics (based on the text of the German Civil Code). Cand. sci. diss. abstr. SPb., 2000. (In Rus.)
9. Krasukhin, K. G. Grammatical expression of obligation in ancient Indo-European legislative texts. Logicheskiy analiz yazyka: Yazyki etiki. M: Yazyki russkoy kul'tury, 2000: 263–271. (In Rus.)
10. Paducheva, E. V. Modality. 2016. Proekt korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki. Web: 12.07.17. <http://www.rusgram.ru> (In Rus.)
11. Trub, V. Zh. About future events fixed in the meanings of words. Lingvofuturizm. Vzgl'yad yazyka v budushchee. M: Izdatel'stvo "Indrik", 2011: 142–157. (In Rus.)
12. Fedorov, V. A. French phrases with the pronoun *il* in the mirror of the Russian language. VGU, 2010. (In Rus.)
13. Khayek Fridrikh Avgust fon. Law, Legislation and Liberty. A new statement of the liberal principles of justice and political economy. Transl. from English. B. Pinskera i A. Kustareva. M: IRISEN, 2006. (In Rus.)
14. Tseytlin, S. N. Necessity. General characteristic of the semantics of necessity. Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'. AN SSSR. L., 1990. (In Rus.)
15. Chvani, K. V. The grammar of the word 'must': the dictionary entries as functions of the theory. Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 15. M., 1985: 50–80. (In Rus.)
16. Chetvernin, V. A. Introduction to the General theory of law and state. M: Institut gosudarstva i prava RAN, 2003. (In Rus.)
17. Shalyutin, B. S. The concept of the state in law. Obshchestvo i pravo, no. 5, vol. 42, pp. 32–34, 2012. (In Rus.)
18. Shirobokova, L. P. Legal texts: the experience of grammatical and typological research (on the example of German and Russian). Cand. sci. diss. abstr. M., 2007. (In Rus.)

Received: January 16, 2018; accepted for publication February 20, 2018

Reference to the article

Zverev A. G. Modality of Texts of Laws in Languages of the Standard Average, European // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 5. PP. 32–40. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-32-40.